

Р.Н. Рахимов

МЕЩЕРЯКСКИЕ ПОЛКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА И ЗАГРАНИЧНОМ ПОХОДЕ 1813–1814 гг.*

В 1812 г. на войну с Францией из Башкиро-мещеряцкого войска вместе с башкирскими было отправлено два мещеряцких конных полка. Мещеряки (современное название мишари) – субэтнос татар Среднего Поволжья и Приуралья. Разговаривают на мишарском диалекте татарского языка. Формирование мишарей происходило на правобережье Волги, вплоть до правобережья Оки на севере. Единого мнения об их происхождении в науке в настоящее время нет. Некоторые современные мишари считают себя отдельным этносом.

В Приуралье (Башкирию) мишари были переселены правительством в XVII–XVIII вв. Вместе со служилыми татарами, впоследствии растворившимися в их среде, они составляли военно-служилое сословие, которое несло службу на Оренбургской и сибирских пограничных линиях. В XVIII в. мишари участвовали в Северной, Семилетней, русско-шведской 1788–1790 гг. войнах, подавлении башкирских восстаний XVII–XVIII вв. и в Пугачёвском движении (большинство – на стороне правительственных войск). В XIX в. мишари участвовали в Отечественной войне 1812 года и заграничном походе 1813–1814 гг., чему, собственно, и посвящена наша работа. К сожалению, историография данной темы незначительна¹.

Всего было сформировано два пятисотенных – 1-й и 2-й мещеряцкие конные полки. По штату в них числились: командир полка,

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 13-01-00171 «Роль дворянства в интеграции юго-восточных окраин в административной структуре Российского государства (XVII–XIX вв.)».

его помощник, по пять есаулов, сотников и хорунжих, полковой квартирмейстер, мулла, писарь, 10 пятидесятников, 500 рядовых. Полковые чиновники были в основном в зауряд-чинах. Сверх штата назначался командующий полком из числа офицеров российской армии. Лошади полагались строевые и выучные, в 1-м полку всего их было 804, во 2-м – 796.

Обмундирование, снаряжение и вооружение произвольное. В качестве вооружения использовались в основном пики, в меньшей степени – сабли, пистолеты, ружья. Из мишарских частей принял участие в боевых действиях 2-й полк, а 1-й был оставлен в Москве для караульной службы.

2-й Мещерякский полк имел особенность своего формирования, он был набран в мишарских селениях Челябинского и Уфимского уездов Оренбургской губернии. Одна часть (помощник полкового командира, по два есаула, сотника, и хорунжих, четыре пятидесятника, мулла и 200 мишарей) выступила в поход из слободы Кундравинской Троицкого уезда 10 октября, а вторая часть (полковой командир, по три есаула и сотника, квартирмейстер, писарь, шесть пятидесятников и 300 мишарей) ожидала, собравшись в д. Салиховой Уфимского уезда². Из мишарей полком командовал чиновник 14-го класса (по Табели о рангах имевший личное дворянство) Хасанов, его помощником был Миряфов³.

Командующим полком был майор Верхнеуральского гарнизонного батальона Василий Иванович Бутлер. Он происходил из курляндских дворян, в службу вступил в 1781 г. унтер-офицером в Полоцкий мушкетёрский полк, затем служил в Московском грендерском, Киевском гарнизонном, Бутырском мушкетёрском, Рылском мушкетёрском полках⁴. Бутлер участник русско-турецкой войны, штурмовал Очаков в 1788 г., в 1794 г. воевал в Польше. В 1813 г. ему было 48 лет, он был холост. Для «письмоводительства» с ним в полку находился унтер-офицер этого же батальона Иван Бочкарев⁵. При майоре Бутлере также было два денщика – Николай Ильин сын Ильин и Зиновий Ермилов сын Блинов⁶.

Осенью 1812 г. полк прошёл Бугульму, Чистополь, Лаишев, Чебоксары и 15 декабря прибыл в Нижний Новгород, где был прикомандирован к Рязанскому ополчению. В составе корпуса генерал-лейтенанта графа П.А. Толстого он выступил в поход в герцогство Варшавское, через Тамбов, Старый Оскол, Харьков, Житомир.

Отправление башкирских и мещеряцкого полков на Украину было осуществлено по повелению Александра I графу П.А. Толстому: «С вверенным ему ополчением взять направление из Нижнего Новгорода на Муром, Рязань, Орёл и Глухов и расположиться в Малороссийских губерниях, присоединя ко оному Рязанское и Тульское ополчение. К сему ополчению присоединяются из числа иррегулярных войск от генерала князя Волконского из Оренбургского края в Нижний Новгород выкомандированных 14 башкирских и 2 Мещеряцкого полка»⁷.

В январе 1813 г. в полку состояло: два штаб-офицера, 16 обер-офицеров (в полку появилась вне штата должность полкового адъютанта), трое нестроевых (мулла, писарь, квартирмейстер), десять урядников, пятьсот казаков, 512 строевых лошадей, 256 вьючных лошадей. Известны имена некоторых чиновников полка: зауряд-есаул Абдрахим Мемадалин сын Крымский, зауряд-хорунжий Усман Тажетдинов сын Альмеев, десятник Габдулсалит Абдулхасанов. Несколько имён рядовых: Абдула Махмутов сын Абдрезяков, Мухаметвали Хусеинов, Абдульземиль Салихов сын Казиев, Габдулкадыр Сеитгоферов, Ахмет Валишин сын Рафиков, Абдулзямин Рамазанов, Габдулхаким Абдулмязитов, Хисамутдин Гумеров, Абдрахман Мансуров⁸.

Поход зимы – весны 1812–1813 гг. до границ империи сопровождался разного рода событиями. Полк откомандировал две сотни во главе с зауряд-хорунжим Зиянятдиновым в Житомир в штаб-квартиру командующего Рязанским ополчением генерал-майора Л.Д. Измайлова. Необходимость такой командировки не была связана с военными действиями. В это время генералы, следуя моде, желали иметь личный конвой, в составе которого находились всадники разных частей в разноцветных мундирах. Восточные всадники придавали своеобразный колорит такого рода охране, повторяя мамелюков Наполеона.

Тяжёлые условия осенне-зимнего перехода привели к заболеваниям. Поэтому по маршруту движения полка в городских больницах были оставлены заболевшие. На 15 июня таковых насчитывалось: в Переяславле – есаул и рядовые (Абрахим Мряделев, Мухаметша Алеев и Зиянятдин Зиянятдинов), в Моршанске – рядовые (Ишнияс Зюбаиров, Абдулхаким Хусеинов, Абдулнасыр Хусеинов). 20 июня в Волынской губернии в лазарете были оставлены 11 рядовых (Зельмухамет Альмухаметев, Сулейман Муртазин, Бахтияр Ишкаев, Абдулханан Кайсаров, Абдулхалик Зюбеиров, Абдулмуталип Баки-

ров, Абдулмязит Абдурсалямов, Мухаметкарим Алееев, Рахметул-ла Абясов, Ибрахман Абусалямов, Абдулмин Баязитов)⁹.

В ходе марша вскрылась проблема, связанная с нарушением дисциплины полковым командованием. В феврале последовал рапорт командующего полком майора Бутлера в Военное министерство на полкового командира и его помощника, которые вместо проверки по ночам караулов находились «в беспрестанном пьянстве», из-за чего 1 февраля, в д. Новая Рогова Пензенской губернии из под караула были уведены четыре строевые лошади¹⁰. Переписка с министерством была необходима для объяснения причин замены командования полком. Вероятно, она произошла весной, полковым командиром стал походный старшина Салих Ещеряков, а его помощником – зауряд-сотник Гирфан Кутлукудалов (Кутлукадямов).

В конце мая 1813 г. полк находился в корпусе левого фланга под командой Толстого, в августе входил в корпус правого фланга под командой генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова Польской армии генерал-лейтенанта барона Л.Л. Беннигсена. 1 июля вернулись две сотни из Житомира, перед началом боевых действий после перемирия 2-й Мещерякский полк находился в д. Гросс-Остен¹¹. На 1 июля в нём числились: полковой командир, его помощник, по пять есаулов, сотников и хорунжих, полковой адъютант, квартирмейстер, писарь, мулла, 10 пятидесятников, 492 мишаря, строевых лошадей 500, вьючных 248¹². У графа П.А. Толстого в «бессленных ординарцах» находился хорунжий 4-й сотни Мустафин. К этому времени полк потерял умершими Абдуляпара Сеитбуранова (2 февраля), Валиулла Валитова (8 марта), Гайнуллу Арасланова (9 марта), Абдуллу Абсалямова (13 апреля), Шагиахмета Рахманкулова (16 мая), Абдулзябира Абрышитова (9 апреля), Габайдуллу Абдуллина (14 июня)¹³.

13 августа 1813 г. в составе отряда генерал-майора С.Я. Репнинского полк направлен к Бреславию, но 15 августа был командирован к Глогау и вошёл в блокадный корпус, в котором действовал с сентября 1813 г. по 30 марта 1814 г. до сдачи крепости.

Крепость Глогау находилась в Северной Силезии. Её гарнизон, состоящий из французов и хорватов, численностью около 6–8 тыс. (по другим сведениям 10 тыс.) человек возглавлял генерал Руже де Лаплан. Блокада началась 13 марта 1813 г. отрядом русских войск во главе с генерал-лейтенантом графом Э.Ф. Сен-При. Разрабатывая

план будущей кампании, командование предполагало блокировать Глогау частями Польской армии.

15 августа к крепости было направлено Костромское ополчение под командованием П.Г. Бардакова. Оно должно было наблюдать за гарнизоном, находясь на правом берегу Одера. К ополчению были прикомандированы уже находившиеся около крепости 13-й Башкирский, 2-й Мещерякский, 3-й Оренбургский казачий полки и рота артиллерии.

30 августа в наступление пошёл авангард и корпус правого фланга, 1 сентября выступила Главная квартира армии. Костромское ополчение, башкиры, мишари остались в блокадном корпусе под крепостью Глогау под командованием генерал-лейтенанта барона И.К. Розена. 7 сентября к этому корпусу присоединились 8-й, 12-й, 16-й башкирские полки и Пензенское ополчение.

Появление башкир и мишарей в осадном корпусе изменило тактику действий блокированного противника. Так, на правой стороне Одера, где находился корпус Розена, французы не держали по ночам караулов, поскольку на них ночью делали набеги башкиры и мишари, уничтожая солдат на постах. Поэтому свои пикеты французы здесь выставляли только на рассвете на светлое время суток.

В осадном корпусе находились четыре пеших полка Костромского ополчения (конный полк направлен к Дрездену), три пеших полка Симбирского ополчения, артиллерийская рота – всего около 15 тыс. человек¹⁴. На левой стороне реки располагалось примерно столько же прусских войск полковника Блюменштейна.

Для командования проблема осажденных французских крепостей заключалась в том, что они отвлекали значительное число войск, необходимых для боевых действий, поэтому была произведена замена регулярных войск в осадных корпусах ополчением и национальной конницей. Во второй половине 1813 г., когда боевые действия развернулись по всей территории Германии, а осажденных крепостей в тылу союзников оставалось много, армия стала нуждаться и в тех силах, что находились там. Поэтому было решено провести штурм Глогау, от которого союзники-пруссачи отговорили. Они не хотели разрушения крепости, которая должна была им возвратиться и настаивали на блокаде с тем, чтобы вынудить противника сдаться из-за нехватки продовольствия или боеприпасов. В свою очередь, французы не догадывались, что крепость осаждают слабые в военном отношении части. Они считали, что

это русские солдаты нарочно оделись мужиками, чтобы выманить их из крепости в чистое поле и там разбить.

Лишь в октябре гарнизон предпринял две вылазки против блокадного корпуса. На рассвете 28 октября французы атаковали позиции пруссаков, а против русских войск сделали диверсию с целью удержать их от участия в бою. Французам удалось одержать в этот день победу и уничтожить роту прусских егерей. Назавтра они осуществили двухстороннюю вылазку против русских и пруссаков. В этот день Костромское ополчение впервые приняло участие в бою, башкирам и мишарям свист пуль и ядер был не в диковинку. Французы атаковали русские позиции двумя колоннами по 250 человек каждая. Одна пыталась овладеть шанцами (земляные укрепления), соединяющими осадные аллеи, а другая сбить передовые пикеты башкир и затем занять шанцы на берегу Одера. Оба русских фланга, находящиеся у д. Пффердгиммель и Лихенберг встретили французов ружейным огнём, 400 казаков произвели ложную атаку, сама крепость была обстреляна, её заволокло клубами порохового дыма. Русские отразили натиск противника и перешли в наступление, сбив в свою очередь два французских пикета и овладев шанцами, потеряли всего шесть человек убитыми и ранеными. Одновременно пруссаки дважды ходили в штыки, взяв в бою две пушки и 200 пленных.

Больше вылазок французы не делали, а в начале марта 1814 г. начались переговоры. Дело в том, что в Глогау находились большие запасы хлеба, но совершенно не было соли и мяса. Гарнизон съел всех лошадей и кошек. Переговоры завершились 30 марта. По условиям сдачи, гарнизон в составе 3 тыс. человек складывал оружие, затем их отпускали во Францию с обязательством не воевать против русских и пруссаков год и один день. Сама крепость сдавалась 5 апреля одновременно пруссакам с прусской стороны, а русским с русской, предместья и передовые укрепления надлежало сдать накануне.

4 апреля в 3 часа дня русские войска вступили в пределы предместья Глогау-Домм. Французский генерал Лаплан и чиновник вручили ключи от крепости коллежскому ассессору Назарьеву, назначенному комендантом предместья. 5 апреля в 6 часов утра войска выстроились для торжественной сдачи крепости. Впереди расположился 2-й Мецерякский, за ним 8-й, 12-й, 13-й и 16-й башкирские полки, затем прусская артиллерия и кавалерия, далее стояла русская пехота, в конце прусская. Возглавлявший выход гарнизона Лаплан, поравнявшись

с прусским начальником пехоты, отсалютовал ему шпагой и, после кратких переговоров, получив разрешение не участвовать в параде, ускакал вперед. Выходившие французы, в отличие от своего генерала, демонстрировали, что сдаются не пруссакам, а русским. Так, первый французский батальон хотел сложить оружие перед прусской пехотой, но батальонный командир закричал «Вперёд!» и, только поравнявшись с русскими, скомандовал «Pardon!». Солдаты ставили ружья в козлы, снимали ранцы и тесаки и вешали их на ружья. При этом многие плакали. Когда кончился парад и безоружный французский гарнизон ушёл от крепости, в неё торжественно вступили союзники¹⁵.

Вошедшие войска были распределены по квартирам. Офицеров пригласили на обед, а солдат угощали жители, разнося по улицам еду и вино. Во всех этих торжествах принимали участие башкиры и мишари. Вероятно, за осень и зиму они смогли выучить минимум слов для изъяснений с местными жителями, однако вряд ли понимали немецкие стихи или смысл высокопарных речей. Но радостное настроение горожан было понятно всем от рядового до князя. Башкиры и мишари вместе с ополчением несли караульную службу в Глогау до октября 1814 г.

14 апреля командующий полком майор Бутлер был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом за то, что «чрез всё время блокады всей конницей, пикетами и передовую конную цепью отправлял должность с большим усердием, а в случившихся делах оказывал храбрость и расторопность»¹⁶. Полковой командир Салих Ещеряков, уже имевший золотую медаль на шее, и сотник Гирфан Кутлукадямов за то, что «в действиях против неприятеля неоднократно находясь, усердием своим и мужеством весьма способствовали к поражению неприятеля», 12 июня были награждены дворянским чином, став чиновниками 14-го класса¹⁷. 10 октября барон Розен в своём приказе поблагодарил участников блокады крепости за службу.

2-й Мещерякский полк вернулся на родину в 1815 г. Часть чиновников и рядовых полка впоследствии были награждены серебряными медалями «За взятие Парижа 19 марта 1814 г.»¹⁸. Этот факт дал основание некоторым авторам считать, что полк участвовал в боевых действиях при штурме столицы Франции. Однако в расписаниях армий, наступавших на Париж, 2-й Мещерякский полк не упоминается. Скорее всего, награждение этой медалью, производившееся в 1826–1832 гг., имело в виду участников кампании 1814 г. в целом, а не конкретного случая взятия достопамятного города.

1-й Мещеряжский конный полк был сформирован в Бугульме и выступил в поход 21 сентября через Лаишев, Казань, Чебоксары на Нижний Новгород, куда прибыл 19 октября и был расквартирован в уезде. Здесь 30 октября были отправлены домой «за болезнью» полковой командир армии прапорщик Шеабдин Мендеев и рядовой¹⁹. Новым командиром стал походный старшина Абдулгафаров (Абдулгаферов).

Командующим полком был майор Казанского гарнизонного полка Степан Иванович Дыхов. Он происходил из военных дворян, в службу вступил в 1783 г. капралом в Таганрогский батальон, затем стал сержантом в Низовском мушкетёрском полку, подпоручиком в Эстляндском егерском корпусе, после реформирования корпуса продолжил службу в 4-м Егерском батальоне, где дослужился до майора. В 1804 г. был переведен в Казанский гарнизонный полк. Позднее Дыхов начал службу на Кавказе, затем продолжил её в Белоруссии, участвовал в штурме Праги в 1794 г. Он участник Альпийского похода А.В. Суворова, где отличился в сражении при Треббии, за что был награждён орденом Св. Анны 3-й степени, впоследствии получил орден Св. Анны 2-й степени²⁰. В 1812 г. ему было 45 лет, он был женат, имел троих детей. Таким образом, полк возглавлял офицер, уже воевавший с французами, помнивший А.В. Суворова. Вместе с Дыховым в поход выступил унтер-офицер Казанского гарнизонного полка.

Известны имена некоторых воинов 1-го полка. Чиновники: зауряд-есаулы Кагарман Фейзуллин сын Бурханов, Хамат Халилев, Курмангулов, Бакеев, зауряд-сотники Абдрешит Хабибуллин, Тайчинов, Ядыгаров, Ишмухаметов, Амиров, Хасамутдинов, зауряд-хорунжий Абдулнасыр Зейняшев, Аглиуллин. Мишари: Аглитдин Ахтямов, Абдулхалил Абдурахимов сын Газилеев, Асфендияр Сагитов, Абдулнасыр Мрясов, Батырша Нариманов, Абдуллатиф Хабибуллин сын Тагиров (с 1814 г. – урядник), Мухаметамин Мухаметрахимов²¹.

Первоначально 1-й полк, как и 2-й, предназначался в состав корпуса генерал-лейтенанта графа Толстого. 26 ноября императорским указом ему предписывалось отправить в Москву на смену 5-му Уральскому казачьему башкирский или мещеряжский полки с тем, чтобы освободившийся уральский полк впоследствии соединился на марше с ополчением. Указ главнокомандующему в Москве генералу от инфантерии графу Ф.В. Ростопчину требовал определить вновь прибывший полк к разъездам по городу, причислив его к полицейским драгунским эскадронам и вооружив пиками²². 2 декабря Тол-

стой решил направить в Москву 1-й Мещерякский полк, выступивший 7 декабря в поход и прибывший в Первопрестольную 18 декабря.

Началась полицейская служба в сожжённой Москве. В город возвращалось население, расчищались улицы, потихоньку начинали отстраиваться дома. Из воинских частей в городе находились укомплектованные сверх штата рекрутами Тарутинский и Бородинский пехотные полки.

Мишари познакомились с московскими татарами, а командир даже женился. 25 апреля с разрешения главнокомандующего в Москве полковой командир походный старшина Абдулгафаров вступил в брак с московской татаркой Сахабдымал Такеевой²³. Однако размеренную жизнь полка летом 1813 г. нарушили события, связанные с его командиром.

Начались они 28 мая, когда Ростопчину была подана коллективная жалоба мишарей Фахартдина Суханкулова, Сагдитдина Мустафина, Слывбака Рахимкулова и Сейфутдина Максютова на майора Дыхова, в которой он обвинялся в жестоких наказаниях, невыдаче фуража, обидях и притеснениях, в результате чего якобы пало много лошадей, а избитые умерли в московском госпитале. Обвинения были серьёзные. Усугублялось дело тем, что Дыхов, узнав о подаче жалобы, наказал её подписавших. Сам по себе факт подачи коллективной жалобы на командира был уже чрезвычайным происшествием. Ростопчин потребовал от московского коменданта И.Х. Гессе провести тщательное расследование, которое завершилось 14 июня²⁴.

Оказалось, что описанные в жалобе действия майора Дыхова ничем не подтвердились. Действительно, в мае в госпиталях умерло большое количество рядовых, но умерли они от болезней. Сами жалобщики оказались «виновными в неповиновении начальству, в уклонении от службы и других противозаконных поступках, в чём даже полковые офицеры, урядники и большая часть казаков изобличали их»²⁵. При беседе с полковыми офицерами и муллою выяснилось, что появление этой жалобы связано с личным конфликтом между Дыховым и полковым командиром Абдулгафаровым, решившим отомстить таким образом майору. Вскрылись причины конфликта. Дыхов докладывал начальству о «пьянстве, буйственных поступках и о чинимых по полку беспорядках» полкового командира, более того, он его неоднократно арестовывал... Сам же Абдулгафаров «вместо того чтобы образовать казаков и научить исполнительными быть по службе, он возмущает их не повиноваться

начальству и уклоняться от службы»²⁶. Это подтверждалось случаем, произошедшим 12 июня, когда десятник Шафеев с рядовыми мишарями, находясь в полковом карауле, самовольно оставили свой пост.

В итоге по «делу 16 июня» было предложено следующее: полкового командира отрешить от должности и, арестовав, отправить под охраной полицейского унтер-офицера в Оренбург к оренбургскому военному губернатору генералу от кавалерии князю Г.С. Волконскому. Подавших несправедливую жалобу мишарей, а также десятника Шафеева и покинувших вместе с ним пост караульных «приказать в страх другим прогнать шпицрутенами через пятьсот человек первых по два раза, а последних по одному разу», а чтобы в полку рядовые знали, что «товарищи их наказываются за клевету на начальника своего, неповиновение оному и уклонение от службы», было приказано от каждой сотни направить на экзекуцию по десять человек зрителей. Сотника Зинагабудина Аббясова, хорунжих Хисамутдина Ильясова (Хасамеда Динильясова), Саифедина Хусаинова и Абдулфавориса Абдулхаликова за лжесвидетельство арестовав, содержать под караулом при Тарутинском пехотном полку на хлебе и воде две недели²⁷.

17 июня уже бывший полковой командир Абдулгафаров в сопровождении унтер-офицера полиции был отправлен из Москвы в Оренбург, навсегда оставив молодую жену и свой полк²⁸. Зная крутой нрав оренбургского губернатора, можно предположить, что дальнейшая судьба провинившегося была связана с Сибирью.

Последовали и кадровые перемещения на образовавшиеся неожиданно вакансии. С 4 августа полковым командиром стал прежний помощник командира зауряд-есаул Абит Сагитов. Помощником его стал зауряд-есаул Абдулхамит Абдулбасыров сын Адзитаров. Оба получили чин походных старшин. На место последнего, т.е. в зауряд-есаулы, перешёл бывший полковой квартирмейстер Фейзуллин, а его должность стал исправлять пятидесятник Бахтияр Ашимов²⁹. Спокойствие в полку было восстановлено.

Если проблема с вышедшим из повиновения полковым командиром и установлением дисциплины была достаточно быстро решена, то вопрос о потерях, которые нёс полк из-за различных болезней, становился всё острее. И в самом деле, находясь в Москве, не участвуя в боевых действиях, полк ежемесячно терял сначала большими, направляемыми в госпиталь, а затем умершими несколько человек. В первую очередь это было связано с неблагоприятной эпи-

демиологической обстановкой. В городе из 9 257 домов осталось 2 761. Это вело к скученности населения и распространению болезней. В городе оставалось большое количество трупов людей и лошадей, как зарытых в садах и на площадях, так и остававшихся непогребёнными. Так, силами полиции из города было вывезено и сожжено 11 955 человеческих трупов³⁰. Постоянные разъезды, патрулирование огромной территории также влияли на здоровье воинов отрицательно. Сказывалась скудная пища, иная по составу вода. Сведения о потерях из месячных рапортов за 1813–1814 гг. показаны в табл. 1.

Таблица 1

Потери 1-го Мещерякского полка в 1813–1814 гг.

Месяцу	1813 г.			1814 г.		
	умерло	численность полка		умерло	численность полка	
		чиновников	рядовых		чиновников	рядовых
Январь	4	29	498	6	30	412
Февраль	6	29	494	4	30	408
Март	2	29	492	1	30	407
Апрель	15	29	477	5	30	402
Май	27	29	450	3	30	399
Июнь	13	29	437	3	30	396
Июль	4	29	433	3	30	393
Август	3	29	430	2	30	391

Составлено по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2990, 2991. В подсчёт не вошли прикомандированные к полку с июля 1813 г. один тепляр и один башкир.

Можно отметить, что пик смертности в апреле – июне связан как раз с весенними простудами (в рапортах – горячки) из-за сырых и ветреных погодных условий. В дальнейшем, как видно из табл. 1, акклиматизация мишарей завершилась и смертность уменьшилась. Зимой – весной 1814 г. она вновь возросла, но ненамного, поскольку слабые здоровьем уже умерли.

В июле 1813 г. к полку были прикомандированы два конных воина. Это был 1-го Теплярского конного полка казак Гекмерзин Гитаев, который попал в плен к французам, бежал и явился к властям в г. Клин. Поскольку местонахождение его полка было неизвестно, военные власти приняли решение отправить его в Москву и прикомандировать со 2 июля к 1-му Мещерякскому полку³¹. В это же время к полку был

прикомандирован и рядовой 1-го Башкирского полка. Оба прикомандированных остались с полком до конца его службы в 1817 г.

К лету 1814 г. сложилась критическая ситуация. Полк, не участвуя в боевых действиях, потерял больше сотни человек, т.е. 21,6% своего состава. Поскольку к этому времени война с Францией завершилась, а полк постоянно находился на полицейской службе в Москве, было принято решение направить в него пополнение. В августе из Оренбурга прибыли зауряд-есаул Абдулкаюм Абдуллин, сотники Мухаметша Мухаметгалиев и Курбангали Султанмратов, исполнявший обязанности хорунжего. Вместе с ними прибыло два пятидесятника и 100 рядовых мишарей³². Таким образом, 1-й Мещерякский полк, единственный из всех сформированных в крае башкирских и мишарских полков, получил пополнение, правда, уже после окончания войны.

В августе 1816 г. сгоревшую Москву посетил император Александр I. 1-й Мещерякский полк вместе с городской полицией нес службу в городе. Служба 1-го Мещерякского полка в Москве, начавшаяся в декабре 1812 г., закончилась в 1817 г.

Таким образом, мишари приняли активное участие в войнах с наполеоновской Францией в 1812–1814 гг. Два города – крепость Глогау, ныне польский Глогув, которую они успешно осаждали, и столица России Москва, в которой они пять лет несли полицейскую службу, – памятные места воинской славы мещерякских полков.

Часть мишарей в 1812–1814 гг. несли службу в Сибири на пограничных линиях и на дорогах. Кроме отправления в армию конных полков, несения службы в Сибири, мишари вместе с башкирами добровольно подарили правительству 4 139 лошадей, предназначенных для нужд армии. 15 мая 1816 г. Александром I было объявлено «Высочайшее благоволение башкирскому и мещерякскому народам за подаренных в 1813 г. 4 139 лошадей». Правительство помнило об этом патриотическом поступке и впоследствии. Так, в формулярных списках чиновников, списках рядовых башкир и мишарей по кантонам факт пожертвования лошадей в 1813 г. обязательно фиксировался, как и «Высочайшее благоволение» 1816 г.³³

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юдин М.Л. Оренбуржцы в войнах 1812–1814 гг. Ташкент, 1912; Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. 1, ч. 2; Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года: Ист. очерки. Оренбург,

1962; *Усманов А.Н.* Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964; *Асфандияров А.З.* Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005; *Рахимов Р.Н.* Башкиры и мишари в блокаде крепости Глогау в 1813–1814 гг. // Ватандаш. 2011. № 11. С. 3–14.

² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2989. Л. 10–10об.

³ Там же. Д. 2993. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 5191. Л. 4об. – 5.

⁵ Там же. Д. 5192. Л. 118–119об.

⁶ В последующих рапортах при майоре Бутлере указано три денщика. См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2989. Л. 111об. –112.

⁷ *Апухтин В.Р.* Народная военная сила: Дворян. ополчение в Отечеств. войну. М., 1912. Ч. II. С. 115–116.

⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2993. Л. 4. Центральный исторический архив Республики Башкортостан, г. Уфа (ЦИА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3828. Л. 2–24. Интересная особенность. Часть мишарей к началу XIX в. имела фамилии, но большинство имело в качестве фамилии имя отца (отчество). Соответственно сын, например, Абдрахмана Мансурова, станет Абдрахмановым.

⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2993. Л. 12, 14.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Апухтин ошибочно называет 2-й Мещерякский 1-м Мещерякским, в то время как последний находился в это время на службе в Москве. См.: *Апухтин В.Р.* Симбирское дворянское ополчение 1812–1814 гг.: Юбил. изд. Симбир. дворянства. М., 1912. С. 24; *Он же.* Нижегородское дворянское ополчение 1812–1814 гг.: Краткий очерк и материалы о сформировании Нижегород. воен. силы и о действиях полков Нижегород. ополчения в 1813 г. за границу. М., 1912. С. 60.

¹² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2993. Л. 16.

¹³ Там же. Л. 13–13об.

¹⁴ *Военский К.А.* Костромское ополчение в 1812 году. СПб., 1909. С. 15; *Апухтин В.Р.* Симбирское дворянское ополчение. С. 11.

¹⁵ *Военский К.А.* Указ. соч. С. 17.

¹⁶ Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов и материалов. Уфа, 2012. С. 146.

¹⁷ Там же. С. 152.

¹⁸ Там же. С. 176–177.

¹⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2989. Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 5427. Л. 5об. – 6об.

²¹ Там же. Д. 2990. Л. 3об.–22; ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3798. Л. 1–37.

²² *Дубровин Н.Ф.* Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского величества канцелярии. СПб., 1889. Вып. II. С. 171–172, 204–205. 5-й Уральский полк находился в Москве с 23 октября 1812 г. В поход к армии он выступил 15 февраля 1813 г.

²³ Журнал исходящим бумагам военной канцелярии Главнокомандующего в Москве графа Ф.В. Ростопчина и Журнал донесений Его Величеству 1813 года // Тр. Московского отдела Императорского русского военно-исторического общества. М., 1913. Т. III. С. 158.

²⁴ Там же. С. 203.

²⁵ Там же. С. 227.

²⁶ Там же. С. 227.

²⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2990. Л. 9об.–10. Хисамутдин Ильясов умрёт в ноябре 1814 г.

²⁸ Там же. Л. 10об.

²⁹ Там же. Л. 13, 14об.

³⁰ Земцов В.Н. 1812 год: Пожар Москвы. М., 2010. С. 136.

³¹ Журнал исходящим бумагам... С. 250.

³² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2991. Л. 13.

³³ ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3798. Формулярный список о службе чиновников и урядников 4-го мещерякского кантона за 1836 г.; Д. 3828. Формулярный список 1-го мещерякского кантона о службе чиновников и урядников за 1836 г.